

«Частная этика научает, каким образом каждый человек может располагать собой (направлять себя), чтобы принять образ действий, наиболее ведущий к его счастью, посредством тех мотивов, которые представляются сами собой; искусство законодательства ... научает, каким образом масса людей, составляющих общество, может быть расположена и (направлена) принять такой образ действий, который в целом наиболее ведет к счастью целого общества, посредством мотивов, которые прилагаются законодателем»⁶⁸.

Общество может быть расположено и, в крайнем случае, направлено (но не обязательно должно следовать).

Таким образом, можно предположить, что область правоведения и юриспруденции XVIII—XIX вв. является дальнейшей ареной для конкретизации и детализации идей, первоначально выработанных в философии. Безусловно, связь между философией и политикой не носит жесткого каузального характера, корреляции весьма относительны. Впрочем, философия, как и политика, не закончилась в XIX в. и, возможно, философия политики и права смогла бы выступить «прикладной» дисциплиной по достижению компромиссов ради общего дела в теперь уже «общем» мире.

Р. Х. Лукманова

Уфа

РЕЛИГИОЗНОЕ И НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Одной из ярких отличительных черт постсоветской культуры является возрождение религиозных интересов, религиозной веры и попыток жить в Боге, затронувшее все слои общества. В этом процессе пока больше исканий и вопросов, чем ответов и каких-то положительных результатов. Формальные препоны, существовавшие долгие годы, в период насильственного насаждения атеистического мировоззрения в нашей стране, на данный момент преодолены, таким образом, объективные условия для реализации религиозных исканий

⁶⁸ *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. С. 386.

имеются. Однако проблема здесь во внутренней стороне процесса, в тех духовных установках и ориентирах, которые сложились у европейского человека Нового времени и связаны с противопоставлением научного и религиозного типов мировоззрения.

В России все духовные процессы переживаются сильнее. Связано это с особенностями российского менталитета, немалую лепту в осмысление которого внесли русские философы конца XIX — начала XX в. Соловьев, Бердяев, Франк утверждали ценность живознания, целостного познания окружающей действительности нерасчлененным духом. Несмотря на принадлежность российского мышления к западному типу (мы руководствуемся характеристиками К.-Г. Юнга), некоторые элементы восточного в нем тоже присутствуют. Споры о своеобразии российского духа, российской истории, российской философии и мироощущения бесконечны. Скорее всего они нужны самим спорящим, ибо доставляют много сильных эмоций. Нельзя игнорировать того, что культура России, несмотря на все свои особенности, развивалась по западному пути. Окно, прорубленное в Европу, активно использовалось, особенно в Новое время, когда формировалась классическая наука. Наука интернациональна по своей сути, она не знает границ, может не пользоваться естественными языками, добывает универсальную, общезначимую информацию о мире. С таким потенциалом и активным развитием средств коммуникации научное мышление на Западе довольно быстро потеснило религиозное (на Востоке несколько иная картина, но это уже выходит за рамки нашего сообщения).

И религия, и наука представляют собой сложные системы, в состав которых входят как материальные, так и духовные компоненты, люди, обслуживающие эти сферы, социальные институты и целые политические системы. Нас интересует, каким образом оформилось противопоставление религиозного и научного мировоззрений и насколько задействована в этом процессе свободная воля человека.

Современный человек с религиозным мировосприятием живет обычно во внутренней раздвоенности, он не в силах согласовать привычные и укоренившиеся в нем содержания и формы научной, профессиональной жизни, социальной активности с определяющим религиозным центром своей личности.

Это внутреннее рассогласование может быть выражено двумя крайностями. На первую из них указывал еще Вл. Соловьев: религия вместо того, чтобы быть истинным, определяющим центром духовной жизни и потому ее потенциальным всеединством, становится маленьким уголком души, бессильным и бездействующим, явлением частной жизни, и только. Человек стыдливо прячет в себе свою религиозность, в то время как все его силы и почти вся его жизнь уходят на внерелигиозную, профессиональную, политическую и всякую иную деятельность или на личное и деловое общение с нерелигиозной средой. Такое соотношение неизбежно ведет к внутренней слабости, невозможности для веры стать фундаментом и интегрирующим центром личности, отчего проигрывает опять же человек.

Другая крайность заключается в том, что более цельные натуры, не выдерживающие такой двойственности в духовной жизни, впадают в некое подобие аскетизма, отрекаются от мира и жизни, с которыми они не в силах справиться, и подменяют цельность искусственным обеднением и сужением своей личности. Такое, казалось бы, предпочтение веры всем другим компонентам духовной жизни человека также представляет собой ложный путь. Это только подобие религиозного отречения, ибо истинное религиозное отречение есть своего рода духовный тактический прием для духовного овладения всем содержанием жизни. А уход от мира вследствие собственного бессилия преодолеть двойственность в сознании ведет лишь к закреплению этого бессилия и прикрытию его (сознательно или бессознательно) мнимым возвышением над ним.

В какой момент оформилось устойчивое противопоставление науки, опирающейся на разум, и религии, основанной на вере, западноевропейской историей точно не зафиксировано. Как правило, его связывают с распространением рационалистического направления в философии XVII в. Однако фактом является то, что все выдающиеся ученые XVI – XVII вв. (Паскаль, Ньютон, Декарт и пр.), с именами которых и связано становление классической науки, были верующими людьми. Научное мировоззрение развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной

жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собой и могут быть разделены только умозрительно.

Вера и разум не противостоят, а укрепляют и стимулируют друг друга. Сосуществуя в человеческом духе, они обеспечивают возможность восприятия человеком целостной картины мира, которая основывается не только на индивидуальном, но и на совокупном опыте всего человечества.

В настоящее время, в эпоху расцвета научного мышления, эта тесная и глубокая связь науки, рационального мышления с другими течениями духовной жизни человечества нередко забывается: больше приходится слышать о противоречии между научным и религиозным, между научным и философским или научным и эстетическим мировоззрениями.

Современное научное мировоззрение, сформированное в Новое время, представляет нам новый объект веры — данные науки, открытия и теории, истинность которых как будто доказана. Большинство людей не заняты непосредственно научными исследованиями, и истины науки воспринимаются ими просто на веру. Сообщая своему ребенку, что Земля — это планета, вращающаяся вокруг Солнца, обычный человек ничем не может подтвердить свои слова, кроме как ссылкой на данные науки. Формально это ничем не отличается от ссылки на Священное Писание. Однако по содержанию истины религия и наука принципиально отличаются. Религия провозглашает божественные истины как абсолютные, неизменные, не имеющие пространственно-временной определенности. Научные же истины относительны, сама наука в процессе развития опровергает одни и предлагает новые, что современными философами и методологами науки уже не рассматривается как непрерывный прогресс научного знания, поскольку новое — не обязательно лучшее, оно просто другое. Содержание же этого другого знания, направления новых научных поисков обусловлены потребностями духовной жизни конкретно-исторического общества.

Считается, что идеалом научного знания является адекватное отображение познаваемой действительности. Это понятие о научном познании гносеологически и психологически ложно, поскольку предполагает непосредственную данность объектов познания, прямую, однозначную связь субъекта и объекта. Если бы это было так, вопрос о познаваемости мира

не конституировался бы как философская проблема и агностицизма как направления мысли не существовало бы.

Истины науки не даны нам непосредственно, иначе наука ничего не добавляла бы к непосредственному восприятию, доступному любому человеку независимо от его интеллектуальных способностей. В научном познании исследователи творческими усилиями мысли и воображения добиваются до скрытых глубин мира; и результаты его определены не только целями, задачами, применяемыми методами и теми понятиями, в которых выражается познаваемая действительность. В любом случае — и в отношении царящих в науке заблуждений, и в отношении ее истинных достижений — научное познание и отдельного человека, и целой эпохи зависят от их мировоззрения, их духовных интересов и, разумеется, от их верований и религиозных идеалов.

Развитие научного знания зависит не только от исторических типов мировосприятия (определенности во времени), но даже от географических условий (определенности в пространстве), оказывающих влияние на формирование особенных черт духовной культуры народов. Некоторые нации и государства внесли преимущественный вклад в развитие той или иной области научного знания (например, французские математики, немецкие логики, английские экономисты и т. д.), что же касается символов веры, то здесь духовная деятельность всех народов и племен, населяющих Землю, всех когда-либо существовавших и существующих культур равно значима.

Религиозное и научное познание оказываются взаимодополнительными в процессе цельного познания, предпочтение одного или другого одинаково ущербно и представляет опасность также для целостности духа познающего человека. Необходимость выбора — опираться на разум или руководствоваться верой — является искусственным и сравнительно недавним образованием в истории западноевропейской духовной культуры. Научное познание осуществлялось еще в античную эпоху и не заставляло человека приносить символы веры в жертву естествознанию.

Античная наука впервые открыла Космос как божественное единство и божественную гармонию мирового бытия и на этой основе утвердила рациональное познание отдельных закономерностей мировых явлений. В религиозных построениях отцов церкви и ученых-теологов средних веков все тот же

поиск средств выражения мировой гармонии обрел новые формы. Эпоха средневековья получила от античности богатое наследство в виде определенного набора понятий. Творчески переработав достижения античной мысли, средневековая наука создала свою картину мира, также гармонизировавшую с религиозной верой и слитую с ней в цельное мировоззрение. Логика оказалась способом созерцания Бога, этика обозначала пути его постижения.

Рассматривая историю христианства в связи с вековым его спором с наукой, мы видим, что под влиянием последней понимание христианской религии обретает новые формы, и она (религия), расширяя и углубляя сферу своего познания, открывает такие области, куда наука не может еще за нею следовать. Вероятно, к тому же приведут и те настроения, какие наблюдаются в настоящее время в науке, когда наука начинает становиться по отношению к религиям в положение, какое долгое время по отношению к ней занимало христианство. Как религия не одолела науки в ее области, но в этой борьбе глубже определила свою сущность, так и наука в чуждой ей области не сможет опровергнуть никакое религиозное учение, но дальше продвинется на пути самопознания.

Е. Г. Луковицкая
Нижний Новгород

О ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Неопределенность пронизывает различные стороны нашей жизни, она присутствует в самом познании. Чтобы как-то определиться в отношении ее, отечественные и зарубежные ученые рассматривают ее различные стороны — проблему времени и неопределенности (А. М. Жаров, 1987), поведения и неопределенности среды (А. Б. Салтыков и др., 1996) и т. д. Проблема неопределенности затрагивается в таких направлениях исследования, как вероятностное прогнозирование (И. М. Фейзенберг и др.), антиципация деятельности (Б. Ф. Ломов, Е. Н. Сурков и др.). За рубежом сделан ряд исследований, выявляющих связи толерантности к неопределенности с интересующими исследователей личностными характеристиками.

Как показал анализ проведенных исследований и литера-